

Она бросила взгляд в сторону внутреннего дворика, где жила её дочь, и про себя подумала: поговаривают, что в монастыре Линъинь обитает Святой монах, обладающий великой магической силой. Кто знает, может, ему под силу изменить внешность Хунсин?

Быть может, именно из-за уродства характер Хунсин стал таким несносным.

Несколько дней спустя Чжуан Хунсин в сопровождении матери собралась в путь — они направлялись в монастырь Линъинь.

Госпожа Чжуан твердила ей, что Живой Будда Цигун, живущий в том монастыре, наделён невероятным могуществом и способен отвести любую беду. Кто знает, вдруг он поможет ей вернуть прежний облик?

Чжоу Тяньэ тоже собрала нехитрый скарб и двинулась следом за ними.

Она не пыталась скрываться, и, заметив её, Чжуан Хунсин тут же скривилась от отвращения:

— Ты зачем за нами увязалась? Хочешь погреться в лучах нашей славы?

Чжоу Тяньэ лишь едва заметно улыбнулась. Эта улыбка на её лице, ещё не до конца исцелившемся от обезображивающих шрамов, выглядела пугающе холодной:

— Я иду возжечь благовония и вознести молитвы Будде. Молюсь, чтобы все желания госпожи Чжуан исполнились.

Чжуан Хунсин от одного этого взгляда пробрало до костей. Она не посмела больше ничего сказать и поспешила прочь, словно спасаясь бегством.

Чжоу Тяньэ медленно шла за ними, глядя вдаль спокойным взглядом.

Монастырь Линъинь, Цигун, ёкай-ящерица, Ао Цзилун, да ещё тот Рыбий дух, затаившийся в тени... Пришло время поставить точку во всех этих делах.

Ей не терпится узнать, существует ли на самом деле высшая справедливость и воздастся ли по заслугам тем, кто творил зло.

Где-то вдалеке едва слышно зазвенели колокола монастыря Линъинь, наполняя воздух торжественной и таинственной атмосферой.

Именно отсюда всё и началось.

В Линъинь было не протолкнуться: поток верующих не иссякал, воздух был пропитан густым ароматом сандала вперемешку с лёгким дымком курильниц.

Тяньэ вошла в главные ворота следом за Чжуан Хунсин и её матерью.

Она была одета в простое платье из грубой ткани, а на лице всё ещё виднелись следы шрамов. На фоне нарядно одетых паломников она выглядела чужеродно, и многие провожали её любопытными взглядами.

Однако, в отличие от прежних времён, в этих глазах больше не было страха или брезгливости — теперь в них читалось лишь любопытство да капля доброжелательности.

В конце концов, слава о чудо-лекаре Чжоу разнеслась по всей округе, и многие паломники

были наслышаны о её добрых делах.

— Неужто и лекарь Чжоу верующая?

— Говорят, у неё сердце доброе. Должно быть, пришла просить Будду о защите для всех живых существ.

— По сравнению с некоторыми, лекарь Чжоу, даже с таким лицом, куда лучше тех, у кого душа черна!

Эти шепотки долетали до ушей Чжуан Хунсин, отчего её лицо стало ещё мрачнее.

Она сжала кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони, а в груди закипала ненависть, подобная бушующему пожару.

Она не понимала: почему она, пришедшая сюда просить о помощи, оказалась в тени какой-то Чжоу Тяньэ?

— Матушка, пошли быстрее, не будем позволять всяким портить нам настроение! — прошипела Чжуан Хунсин, потянув мать за собой к главному залу.

Госпожа Чжуан виновато кивнула Тяньэ и последовала за дочерью на поиски Цзигуна.

Чжоу Тяньэ не обратила на них внимания и неспешно прогуливалась по монастырю.

Её целью было не поклонение Будде, а статуя Биси — шестого сына Драконьего царя речных глубин.

Много лет назад, когда она сорвалась со скалы, спасая Чжуан Хунсин, и была искутана Рыбьим духом, именно Ао Цзилун явился, чтобы отогнать тварь. Он вынес её на спине на вершину утёса, спас ей жизнь и перед уходом наказал как следует лечиться.

Она помнила об этой милости много лет, но всё не было случая поблагодарить его лично. С тех пор в каждое первое и пятнадцатое число месяца она приносила цветы к подножию статуи Биси у входа в монастырь.

Чжоу Тяньэ подошла к изваянию и достала из сумки букет, который бережно собрала, когда ходила в горы за травами. Цветы были свежими и источали тонкий аромат.

Она аккуратно положила их рядом со статуей, сложила ладони в молитвенном жесте и трижды поклонилась.

— Благодарю вас за спасение в тот день, — прошептала она, и в её голосе звучала искренняя признательность, доставшаяся ей от прежней владелицы этого тела. — Я обещала: каждый раз, приходя в Линьинь, я буду навещать вас. И вот я снова здесь.

Долг выполнен.

Она чувствовала, что эта статуя — не просто камень: в нём таилась слабая искра духовной энергии.

Задерживаться она не стала — сегодня ей важно было увидеть, как именно Даоцзи отреагирует на мольбы Чжуан Хунсин.

Еще раз коротко поклонившись, она покинула дворик и направилась к главному залу.

Вскоре после её ухода статуя внезапно вспыхнула слабым синим светом, который начал сгущаться и вскоре превратился в молодого мужчину в лазурном халате с благородными чертами лица.

Это был Ао Цзилун.

Он посмотрел на полевые цветы на земле, а затем в ту сторону, куда ушла Линь Шуан, и в его глазах отразились тепло и довольство.

Когда-то, когда жемчужина Небесного моря была извлечена из глубин, он преследовал смущавших мир ёкаев и, пролетая мимо, попутно спас маленькую девочку, сорвавшуюся со скалы. Кто бы мог подумать, что она будет помнить об этой милости столько лет и каждый год приходить сюда.

— В этом мире осталось не так много людей, умеющих ценить добро и хранить верность своему слову, — тихо проговорил Ао Цзилун, чувствуя, как симпатия к Чжоу Тяньэ в его сердце возросла.

Он заметил её ещё возле главного зала: пусть внешне она и была некрасива, но от неё исходило спокойствие и достоинство.

— Что ж, позволь мне испытать тебя и проверить, так ли ты добра, как мне кажется.

Ао Цзилун решился: он хотел получше узнать Чжоу Тяньэ и понять, стоит ли она того, чтобы он проявил к ней особый интерес.

С этими мыслями он применил магию, превратился в синий луч света, слился со статуей и исчез.

Не успел он уйти, как у изваяния бесшумно появились две фигуры — те самые Рыбьи духи, что когда-то искушали Чжоу Тяньэ под скалой.

Аромат благовоний из Линъинь доносился с ветром, перемешиваясь с запахом трав и свежестью листвы.

Однако Инь Хуань не видела в этом никакой прелести. Она с силой вдавливала носок туфли в каменную плитку, а её щеки были надуты от злости.

— И зачем мы крадемся следом? — Е Цин почесал висок, явно пребывая в недоумении. — Мы ведь с Благодетелем знакомы, могли бы просто подойти и поздороваться. А так ведем себя словно воры, совершившие что-то дурное.

Инь Хуань резко обернулась и сверкнула на него глазами, её брови изогнулись в гневной дуге, а голос, хоть и был тихим, пылал яростью:

— Что ты понимаешь! Ты хоть знаешь, что за день сегодня? Сегодня тот самый день, когда эта уродина приходит возлагать цветы!

Она с презрением сплюнула на землю:

— Посмотрел бы ты на неё: лицо — словно побитая морозом тыква, глаза — щёлочки, нос приплюснут, губы толстые, а на щеке — жуткий шрам. И надо же ей каждый раз лезть к Благодетелю, совать эти свои вульгарные букеты! Ясно же, что она хочет выслужиться и втереться в доверие! Я не допущу, чтобы она мозолила ему глаза и позорила его своим видом!

Е Цин опешил. Он никогда не видел ту женщину, о которой говорила Инь Хуань. Но раз она всегда принимала решения, значит, в этом был свой смысл. Он послушно кивнул:

— Хорошо, как скажешь. Будем следовать за ним.

Двое преследователей, прячась за колоннами и цветочными клумбами, на почтительном расстоянии последовали за Ао Цзилуном в сторону заднего сада.

Стоило им завернуть за банановую рощу, как впереди послышались торопливые, испуганные шаги.

Они взглянули вперед и — о небеса!

Ао Цзилун побледнел и попятился назад, а стоявший рядом худощавый монах и вовсе был напуган до смерти, отчаянно жестикулируя, словно встретил дикого зверя.

Инь Хуань и Е Цин переглянулись, увидев в глазах друг друга крайнее изумление, и посмотрели туда же, куда и остальные.

Ох!

Там, посреди сада, стояла женщина.

И её внешность была настолько ужасающей, что даже слово уродство казалось мягким. Широкое плоское лицо, покрытое буграми, маленькие глазки, в которых едва можно было разглядеть белки, приплюснутый нос и губы, на которых, казалось, можно было повесить ведро. Она была одета в кричаще-розовое платье и сжимала в руках огромный, безвкусный букет красных гвоздик, активно пытаясь приблизиться к Ао Цзилуну.

Инь Хуань невольно спряталась за спину Е Цина, её губы презрительно скривились: и вправду, страшна неимоверно! Неудивительно, что Благодетель так испугался.

Ао Цзилун, пошатываясь, выбежал из ворот монастыря Линъинь.

Его сердце бешено колотилось — образ той безобразной девицы всё ещё стоял перед глазами. Он прижал ладонь к виску и пробормотал:

— С первого взгляда я чуть не лишился чувств... Никогда не думал, что в мире людей могут существовать столь страшно выглядящие девицы.

Едва он закончил говорить, как перед ним, словно из ниоткуда, возникли две фигуры — Инь Хуань и Е Цин.

Инь Хуань озарила его такой сладкой улыбкой, что у любого бы заныли зубы.

— Благодетель! Что вы тут делаете? Вы выглядите таким встревоженным, что-то случилось?

Е Цин поспешно кивнул, вторя ей:

— И правда, молодой господин Ао, если вам нужна помощь — только скажите, мы всё исполним!

Ао Цзилун вздрогнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки. На его лице вновь заиграла мягкая улыбка. Он отмахнулся:

— Ничего страшного, я просто ищу одного человека. Вы лучше возвращайтесь в пруд Лотосов и продолжайте культивацию, ваша помощь здесь не нужна.

Инь Хуань лукаво повела глазами и, нарочито растягивая слова, спросила:

— Благодетель, вы ищете... девушку?

Глаза Ао Цзилуна блеснули, он шагнул вперед:

— Вы знаете её? Где она?

Инь Хуань кивнула в сторону монастыря и многозначительно произнесла:

— Я видела, как она направилась вглубь храма, кажется, в ту бамбуковую рощу на заднем дворе.

— Ты уверена? Она точно пошла туда?

— Конечно! Я видела своими глазами! — Инь Хуань с готовностью ударила себя в грудь.

Ао Цзилун облегченно вздохнул, поклонился им и сказал:

— Благодарю за весть, я пойду поищу её. А вы возвращайтесь поскорее.

Сказав это, он развернулся и поспешил обратно в монастырь, словно боясь, что если замедлит хоть на мгновение, человек исчезнет.

Проводив его взглядом, Инь Хуань больше не смогла сдерживаться и расхохоталась, прижимая ладони к животу.

— Ха-ха-ха! Какая же он доверчивая душа!

Е Цин, нахмурившись, спросил:

— Инь Хуань, зачем ты обманула Благодетеля? Почему мы мешаем ему встретиться с той девушкой? Ведь он был так обеспокоен.

Инь Хуань перестала смеяться, упёрла руки в бока и задрала подбородок:

— Просто не хочу, чтобы они встретились. Вот и всё!

Е Цин хотел было что-то добавить, но Инь Хуань, нахмурившись, бросила:

— Не твое дело! — и быстрым шагом направилась к пруду Лотосов, с обиженно надутыми щеками.

— Эй! Инь Хуань, подожди меня! — Е Цин поспешил за ней, смягчив тон. — Я не лезу в твои

дела, просто спросил... не злись, постой!

Не найдя Чжоу Тяньэ, Ао Цзилун в конце концов отбросил свои странные порывы и, применив магию, покинул монастырь.

А та, о ком он так переживал, стояла сейчас перед покоями Цзигуна, глядя на закрытую дверь и едва заметно хмурясь.

Она рассчитывала, что именно сегодня Чжуан Хунсин будет выпрашивать у Цзигуна преобразование, но Святого монаха не оказалось в обители. Вздохнув, она решила найти госпожу Чжуан, попрощаться и отправиться домой.

Погружённая в свои мысли о Цзигуне, она шла довольно быстро и, завернув за угол, чуть не столкнулась с юношей в лазурном халате.

Тот замер.

Чжоу Тяньэ, приняв его за обычного прохожего, лишь слегка кивнула в знак приветствия и пошла дальше. Подол её простого платья задел рукав юноши, оставив после себя едва уловимый прохладный аромат.

Юноша в лазурном халате словно окаменел. Он провожал Чжоу Тяньэ взглядом, не в силах сдвинуться с места, и даже не заметил, как из его рук на землю выпал сложенный веер.

Тот мимолётный взгляд, который он бросил на неё, заставил его сердце учащенно биться — её профиль был прекрасен, словно выточен из холодного нефрита под луной.

Прядь волос прикрывала половину лица, но даже та часть, что была открыта — изящный изгиб глаз, холодная, неземная грация, — делала её похожей на небожительницу, чуждую миру людей.

— Би Панань! Ты чего застыл? — окликнула его женщина, шедшая впереди. — Запомнил, что я тебе говорила? Сегодня ты должен попросить у Святого монаха из монастыря Линьинь помощи в обретении удачного брака.

Юноша, которого называли Би Панань, опомнился, поспешно поднял веер и развернул его, прикрывая половину лица. Если бы кто-то присмотрелся, то увидел бы на его правой щеке огромное красно-бурое родимое пятно, тянущееся от угла глаза до самого подбородка — зрелище довольно неприглядное.

— Матушка, — голос юноши слегка дрожал, — я вдруг захотел прогуляться по монастырю. Идите в лавку, я догоню вас позже.

Женщина хоть и удивилась, но, видя настрой сына, кивнула:

— Только возвращайся пораньше, не задерживайся.

Проводив мать взглядом, Би Панань развернулся и поспешил в ту сторону, куда ушла Чжоу Тяньэ. Он надеялся, что сможет увидеть её хотя бы ещё раз.

Однако, сколько бы он ни искал, найти девушку ему не удалось. Зато у дерева гинкго с западной стороны ворот он встретил маленького монаха Бицина, который подметал дорожки.

Поколебавшись, Би Панань подошел к нему:

— Маленький мастер, не знаете ли вы девушку, которая закрывает волосами половину лица? Я мельком видел её, она показалась мне необыкновенной.

Бицин отложил метлу и с улыбкой кивнул:

— Вы говорите о госпоже Тяньэ? Она часто заходит к Святому монаху. Человек она добрый, а нрав у неё кроткий.

— Тяньэ... — прошептал Би Панань, чувствуя, как кончики пальцев сжимают веер.

В его глазах мелькнул странный свет. Оказывается, её зовут так. И это имя так подходит её холодной, неземной красоте.

На другом конце монастыря разыгрывалась своя любовная драма.

Чжуан Хунсин стояла у цветочной клумбы, её сердце колотилось, а лицо горело от жара.

Тот мимолётный взгляд, который она бросила на юношу, уже успел запечатлеться в её памяти — густые брови, ясные глаза, прямой нос. Белоснежный халат подчёркивал его стройную фигуру, а голос звучал нежно, словно весенний ветерок над озером.

Столь красивого и деликатного юношу она видела впервые в жизни. Она влюбилась с первого взгляда, и теперь в её сердце бушевала целая буря.

Но кто бы мог подумать, что этот юноша окажется таким застенчивым: увидев её, он тут же развернулся и убежал — так быстро, что она не успела даже узнать его имя и где он живёт.

— Ну надо же... — Чжуан Хунсин закусила губу, чувствуя одновременно сладость и досаду. — Даже имени не спросила, откуда он и кто — ничего не знаю. Как же мне его теперь найти?

Чем больше она думала, тем сильнее раздражалась.

Если бы она смогла выйти замуж за такого господина, это было бы счастьем, вымоленным у небес в прошлых жизнях! А теперь, когда она упустила его, не сбежит ли это счастье навсегда?

— Бесит! — Чжуан Хунсин сжала в руках красные цветы, с силой давя их пальцами. Лепестки осыпались на землю.

Ярость в её груди лишь разгоралась. Она наклонилась и принялась яростно вырывать гвоздики из клумбы, ломая стебли с сухим хрустом. Она превратила прекрасный цветник в сплошной хаос.

Чжуан Хунсин продолжала топтать лепестки, вымещая злость.

— Госпожа, прекратите! — раздался испуганный голос.

Маленький монах Бицин подбежал к ней, приподнимая монашеское одеяние. Увидев учинённый погром, он чуть не топнул ногой от жалости:

— Это цветы, которые госпожа Тяньэ собственноручно посадила в монастыре во благо живых существ! Как вы могли их так растоптать!

Чжуан Хунсин не только не остановилась, но и обернулась к нему с вызовом:

— Какие ещё цветы во благо? Мне они не нравятся, вот я их и уничтожила, какая тебе разница?

Едва она договорила, как её глаза блеснули — ведь этот монах был тем самым, что сопровождал того прекрасного юношу!

Она тут же забыла о своей злости и поспешила за Бицином, который пытался собрать остатки цветов.

— Монах! Тот господин, что был с тобой... как его зовут?

Бицин, который всё ещё держал в голове просьбу Би Пананя найти госпожу Тяньэ, ответил невпопад:

— Вы о господине Би Панане? Он просил меня приглядывать за одной девушкой, чтобы, если повезёт, они могли встретиться вновь.

— Ищет девушку? — сердце Чжуан Хунсин радостно затрепетало. Она решила, что Бицин говорит о ней. — Ищет кого-то вроде меня?

Бицин опешил и замахал руками:

— Нет-нет, господин Би ищет госпожу Тяньэ.

— Тяньэ? — улыбка на лице Чжуан Хунсин застыла, а в глазах промелькнул расчётливый блеск.

Она сжала край своего платья, лихорадочно соображая: Чжоу Тяньэ? Та девчонка давно изуродована, как такая уродина смеет соперничать с ней за мужчину!

В голове созрел дерзкий план.

— Тяньэ... А ведь я тоже могу зваться Тяньэ, — она посмотрела на Бицина с полной уверенностью. — Монах, ты ошибся! Господин Би ищет меня, Чжуан Тяньэ!

Бицин растерялся:

— Но разве вас не зовут Чжуан Хунсин?

— Хунсин — это моё детское имя, — без зазрения совести соврала она, при этом нарочито повысив голос, чтобы зеваки вокруг слышали. — Моё настоящее имя — Чжуан Тяньэ. Просто старшие в доме привыкли называть меня Хунсин, вот все и путаются. Раз господин Би ищет Тяньэ, значит, это определённо я!

Её слова звучали полуправдой, а память у Бицина была не лучшей. Сбитый с толку, он засомневался:

— Вот оно что... Ну, если вам суждено встретиться, в следующий раз всё и прояснится.

Видя, что он больше не возражает, Чжуан Хунсин торжествовала. С этого дня имя Тяньэ принадлежит ей. А такой красивый юноша, как Би Панань, по праву должен принадлежать ей!

Только вот... она посмотрела на свои грубые черты лица, и её брови снова сошлись на переносице.

Как с таким лицом она может быть достойна господина Би?

И тут она вспомнила то, что говорила мать про Святого монаха Цзигуна из монастыря Линъинь — поговаривали, что его магическая сила способна превращать гниль в чудо.

<http://bllate.org/book/21973/2282989>